

УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ МИРА И ГУМАННОСТИ В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ СТОЛЕТИИ

Роль Красного Креста и Красного Полумесяца

Жак Морейон

Рассмотрение столь обширного вопроса может показаться невыполнимой задачей. Более того, неразумно ставить перед собой цель найти решение проблемы мира и гуманности. Первым признаком здравомыслия является умение осознать пределы своих возможностей; мы можем только попытаться найти ответ на этот вопрос, и нам потребуется заглянуть в прошлое, чтобы лучше понять будущее.

К вопросу об определениях

Нашему Движению — Международному движению Красного Креста и Красного Полумесяца, несомненно, легче вести разговор о проблемах *мира и гуманности*, чем какому-либо иному всемирному движению или организации. Нами даже выработаны определения этих двух понятий; более того, *определения* эти — не результат поспешного занесения мыслей на бумагу, они — плод длительного опыта работы в рамках Движения и трудной дискуссии по ряду вопросов (относящихся, главным образом, к понятию мира), в результате которой удалось прийти к установлению общего согласия в рамках Движения и среди государств-участников Женевских конвенций (через признание ими Устава Движения, принятого Международной конференцией Красного Креста).

Поэтому рассмотрение роли Движения в деле защиты мира и гуманности заставляет прежде всего обратиться к истории принятия им этих терминов.

Определения понятий «гуманность» и «мир» встречаются в текстах различных документов, общих для всех составных частей нашего Движения. Очень важно то обстоятельство, что сейчас (правда, лишь с 1986 года) они входят в Преамбулу Устава Движения¹. Впервые принцип гуманности был официально закреплён лишь в 1961 году в резолюции пражского заседания Совета делегатов. Он стал первым из семи основополагающих принципов, единогласно принятых Международной конференцией Красного Креста, состоявшейся в Вене в 1965 года.

¹ Название «Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца» было принято в 1986 году. До этого времени использовалось название «Международный Красный Крест». Понятие «Движение» как таковое появилось в 1986 году и было зафиксировано в новом Уставе.

На это потребовалось много времени, если учесть, что еще в 1921 году X Международная конференция положила начало признанию деятельности Красного Креста в защиту мира, что нашло отражение в торжественном призыве «ко всем народам бороться с духом войны, который все еще витает над планетой». (Обратите внимание на слова «все еще» — они были произнесены вскоре после того, как завершилась война, которая, как думали, положит конец всем войнам.)

Определение мира, принятое нашим Движением, появилось в Преамбуле «Программы действий Красного Креста как фактора мира», принятой Всемирной конференцией Красного Креста по вопросам мира, состоявшейся в июне 1975 года в Белграде. Эта Программа (и, следовательно, определение мира), в свою очередь, была ратифицирована Советом управляющих Лиги обществ Красного Креста¹ и Советом делегатов в октябре 1975 года в Женеве. В высшей степени важно то обстоятельство, что в 1986 году понятия мира и гуманности были включены в Преамбулу Устава Движения, потому что Преамбула налагает обязательства на правительства в той же мере, что и Устав, также принятый ими. Это означает, что, принимая Устав, государства-участники Женевских конвенций приняли также и определение мира, тогда как ООН этого сделать до сих пор не смогла несмотря на то, что ее изначальная роль состоит именно в поддержании мира!

Следует отметить, что в Преамбуле содержится четыре концепции. Для будущего самое существенное значение имеют три из них. Первая — это основные задачи Движения, вторая — семь *Основополагающих принципов*, третья — девизы Федерации и МККК, а четвертая представляет собой *определение мира*.

Я не останавливаюсь здесь на девизах Движения «*Милосердие на поле брани*» и «*Через гуманность к миру*», хотя в них содержится квинтэссенция того, что представляет собой Красный Крест. Но если мы хотим заглянуть в будущее, нам необходимо ответить на следующие вопросы: должны ли основные задачи Движения оставаться неизменными? Должны ли мы придерживаться все тех же Основополагающих принципов? Что мы будем понимать под словом «мир»? И мы не можем говорить об этих принципах, особенно о принципе гуманности и о мире, не рассмотрев основные задачи Движения, поскольку, в конечном счете, принцип гуманности и определение мира — всего лишь средства для достижения цели. А цель заключается в успешном выполнении наших основных задач, *ради этого* и существует Движение.

Основные задачи Движения

Пятнадцать лет назад Красный Крест провел исследование с целью пересмотра своей деятельности, известное как «*Доклад Тэнсли*»², в котором Движению предлагалось поставить перед собой новую основную задачу. Я напоминаю

1 Лига обществ Красного Креста изменила свое название в ноябре 1991 года и теперь называется Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. (В дальнейшем здесь — Федерация.)

2 Donald Tansley. Final Report. An Agenda for Red Cross. Joint Commission for a Re-evaluation of the Role of the Red Cross. Geneva, 1975, 129 pp.

об этом, так как хочу подчеркнуть: сохранять нужно дух традиции, а не мертвую букву, то есть, проще говоря, мы должны развиваться, не пытаясь изобрести велосипед. Конечно, времена меняются, однако приобретенный опыт не должен быть «светильником, который освещает лишь пройденный путь»: пытаться разработать стратегию на будущее, забывая о прошлом, неразумно, несерьезно и нескромно. Поэтому постараемся извлечь уроки из того, что можно назвать «экспериментом Тэнсли».

Каково же самое главное предложение Тэнсли? Он хотел, чтобы Движение посвятило себя выполнению одной основной задачи — оказанию экстренной помощи на безусловно беспристрастной основе повсюду, где люди нуждаются в защите и поддержке в связи с последствиями бедствия или конфликта. Он считал, что отличительной особенностью Красного Креста является деятельность в чрезвычайных обстоятельствах, независимо от того, когда они возникают — во время войны или в мирное время. Движение не согласилось с его предложениями, но решило продолжить в полном объеме работу по обеспечению социальной защиты, составляющую значительную часть его деятельности, особенно в странах бывшего Советского Союза и во многих странах Центральной и Восточной Европы. Короче говоря, Движение не пожелало ограничиваться исключительно чрезвычайными ситуациями. Поэтому определение основных задач Движения в том виде, в котором оно было принято в Бухаресте в 1977 году после дискуссии по докладу Тэнсли, было составлено на основе принципа гуманности. В Преамбуле Устава Движения это определение сформулировано следующим образом: *«Предотвращать и облегчать страдания людей, защищать жизнь и здоровье человека и обеспечивать уважение к человеческой личности, особенно во время вооруженных конфликтов и других чрезвычайных ситуаций, заниматься деятельностью по профилактике заболеваний, развитию здравоохранения и социального обеспечения, поощрять добровольную помощь, содействовать тому, чтобы члены Движения всегда были готовы к оказанию помощи, и крепить солидарность с теми, кто нуждается в помощи и защите Движения»*. Это определение содержит три понятия: *чрезвычайных ситуаций* (в мирное время и во время войн), деятельности Красного Креста и Красного Полумесяца по обеспечению *социального благополучия* (каждодневная работа и долгосрочные программы) и *готовности* к немедленным действиям, столь высоко ценимой Анри Дюнаном, позволяющей немедленно откликнуться на любые чрезвычайные обстоятельства. Короче, цель заключается в *предотвращении и облегчении страданий, а также защите человеческого достоинства*.

Я — сторонник открытого диалога, однако не могу представить себе, какую иную основную задачу можно было бы предложить Красному Кресту, и в своих рассуждениях далее я исхожу из того, что в обозримом будущем, то есть на пороге двадцать первого столетия, она останется прежней. Но то, как мы видим выполнение наших задач, — уже другой вопрос. В условиях растущей политизации гуманитарной работы, особенно в результате действий ряда государств и ООН, не должны ли мы более настойчиво подчеркивать чисто гуманитарный характер выполняемых нами задач? Ведь хотя политизация гуманитарной

деятельности и способна дать кратковременные выгоды, в долговременном плане она может принести лишь вред. Наше Движение, будучи универсальным, должно стремиться стать *основной независимой силой планеты, осуществляющей гуманитарную деятельность*. Сейчас, когда прежняя политическая поляризация в мире сменяется новой и на одном полюсе оказываются гуманитарные интересы, а на другом политические, не призваны ли мы стать основным полюсом гуманитарной деятельности?

Меня часто просят определить сущность Красного Креста. Я бы вкратце выразил ее так: Красный Крест существует, чтобы «помогать беспомощным». Если посмотреть на тех, кому пытаются помочь, предоставить защиту национальные общества, Федерация, МККК, общим у них окажется то, что все эти люди беспомощны и нуждаются в защите. Это может быть военнопленный, захваченный противником, независимо от того, к какой стране он принадлежит, это может быть пожилая женщина, которая живет на шестом этаже в доме без лифта и не может выходить за покупками, или пострадавший в результате землетрясения, наводнения или голода, когда правительство больше не имеет возможности оказать помощь. В организованном обществе каждый, естественно, пользуется защитой государства или своей семьи (здесь я имею виду защиту материального порядка, так как Божественная защита лежит за пределами сферы, в которой ведет свою деятельность Красный Крест — религиозно нейтральное движение); основная задача Движения заключается в помощи тем, кто оказался лишенным такой защиты и помощи. Иначе говоря, мы принимаем на себя некоторые обязанности органов власти, правительств и гражданского общества. Вот почему, если бы меня спросили, должны ли наши основные задачи оставаться прежними в следующем столетии, я ответил бы утвердительно. Оказание помощи беспомощным изначально было основной целью Движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Выявление слабых, оказание им помощи должно и, по всей вероятности, будет оставаться нашей главной задачей и в дальнейшем, уже хотя бы потому, что «беспомощные» — весьма широкая и многочисленная категория людей, а помогать им и обеспечивать их защиту — дело непростое, требующее немалых усилий.

В таком случае, *в будущем все наши дела еще более, чем раньше, должны быть направлены на выполнение нашей главной задачи*. Вопросы структуры, системы, кадров, стиля работы и ее организации — все они должны увязываться с нашей главной задачей и между собой, причем задача должна быть основным стержнем. Мне представляется, что один из наиболее распространенных просчетов (не только в деятельности Красного Креста, но и в работе многих предприятий и других организаций) состоит в склонности придавать больше значения вопросам структуры, нежели главным задачам. Структуру нужно приводить в соответствие с задачами, а не наоборот. Задумываясь о будущем, мы должны прежде всего спросить себя, хотим ли мы и должны ли мы выполнять прежние задачи или же их следует изменить? Если мы решим сохранить их (возможно, сделав больший упор на их гуманный характер и на независимость нашей работы по их выполнению), с какими трудностями (старыми или новыми) мы столкнемся и за счет

чего сможем лучше и эффективнее работать? Каким образом мы сможем преодолеть эти трудности — в рамках существующих структур (даже если потребуется изменить их систему работы) или путем видоизменения этих структур? В нашем Движении много благородных и творческих умов, это большое богатство. Но здесь уместно вспомнить известный совет: «Если вещь не сломана, не надо ее чинить». Я думаю, что прежде, чем пытаться изобрести новый механизм, нужно попытаться заставить старый работать как следует. А вот если это не получится, мы можем подумать о создании другого механизма... но только в том случае, если будем действительно уверены, что он станет работать лучше. Рассуждая об этом, мы должны думать прежде всего о *главных задачах, стоящих перед Движением*.

Ценности и служение

Я хочу поделиться еще одним наблюдением по поводу наших задач: наше Движение вызвано к жизни определенными ценностями и посвящено служению ближнему. Если вдуматься, помощь слабому соединяет в себе выбор ценностей и идею служения. Гуманный порыв порожден состраданием к другим людям. Но одного сострадания мало: за ним должно следовать действие, потому что мы — Движение тех, кто посвятил себя *действию*, и размышления о Движении — не более чем средство для достижения цели.

Когда я читаю лекции о Красном Кресте, я часто сравниваю его работу (особенно в области гуманитарного права) с работой четырехскоростного двигателя. Его четыре скорости: *сострадание, действие, осмысление и кодификация*.

Когда Анри Дюнан оказался на поле битвы при Сольферино, первым его чувством было *сострадание*. Если мы, работая в Красном Кресте, не испытываем этого первичного порыва сострадания, у нас нет будущего. Когда я думаю о будущем, я думаю о том, что, если мы хотим продолжать помогать слабым с тем же воодушевлением, совершенно необходимо, чтобы первое побуждение шло прямо от сердца. Сэр Роберт Баден-Поуэлл так говорил о скаутском движении, которое он основал: «Сначала у меня появилась идея, затем она превратилась в идеал, идеал претворился в организацию; и — если не быть начеку — организация может убить идеал». Это большая опасность — превратиться просто в организацию, перестав быть Движением, — существует и для Красного Креста и Красного Полумесяца, его национальных обществ, Международной Федерации; мы не должны позволять себе забывать о том, что составляет смысл нашего существования: искренний отклик на страдания других.

Вторая скорость нашего двигателя — *действие*. Во время битвы при Сольферино Анри Дюнан не писал свою книгу, а помогал раненым. Он поступал так, потому что нужна была срочная помощь: перед лицом страданий беззащитных людей мы можем оправдать свое существование только действием. Сейчас, когда между гуманитарными организациями существует значительная конкуренция, наша деятельность будет наиболее результативной, если мы лучше, чем кто-либо другой, будем к ней подготовлены.

Третья скорость двигателя — *осмысление*. Если действия должны проводиться неоднократно или рассчитаны на продолжительное время, для них необходимо создать правовую основу, а это требует осмысления. Ведь более ста лет прошло, прежде чем в 1965 году Движение приняло основополагающие принципы. А МККК принял свой первый Устав только в 1915 году, после сорока лет существования. Десять лет упорной работы потребовалось для создания первого Устава Международного Красного Креста в 1928 году, ставшего, в конечном счете, «мирным договором» между Лигой и МККК, согласно которому координация действий национальных обществ по оказанию помощи осталась за МККК во всех случаях, когда требуется строго нейтральное посредничество, тогда как задачей Федерации стало развитие национальных обществ и координирование их деятельности в мирное время. Десять лет потребовалось и на то, чтобы принять определение мира. Но годы, ушедшие на переговоры и диалог, не пропали даром. За эти годы удалось добиться общего согласия, благодаря которому определение мира выдержало испытание временем. Кроме того, с каждым новым поколением Движение ощущает необходимость заново определиться, а это предполагает некоторый самоанализ. Несомненно, это необходимый этап, нужный новому поколению, чтобы принять Движение, отождествить себя с ним, сделать его своим. С этой точки зрения важно не только такое отождествление, но также (и, возможно, еще больше) сам *процесс*, благодаря которому оно достигается.

Осмысление, третья скорость нашего двигателя, ведет к четвертой — *кодификации*. Она также способствует успеху работы, гарантируя непрерывность действия ряда основных факторов. О гуманитарном праве говорят, что оно так же, как и военные, всегда отстают на одну войну. Не знаю, насколько это справедливо в отношении военных, но, вне всякого сомнения, это справедливо в отношении гуманитарного права: оно объявляет вне закона ужасы, которые не удалось предотвратить во время минувших войн. Анри Дюнан увидел брошенных на произвол судьбы раненых на поле битвы при Сольферино, в результате появилась I Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Представители МККК посещали военнопленных во время Первой мировой войны, когда те не имели никакой защиты. После этого родилась Конвенция о защите военнопленных. Что касается гражданского населения, то оно во время Второй мировой войны подвергалось бомбардировкам, интернированию в концентрационные лагеря. И только в 1949 году была принята IV Женевская конвенция, защищающая интернированных гражданских лиц, а Дополнительные протоколы, которые запрещают нападения на гражданское население, были приняты лишь в 1977 году. Сейчас мы пытаемся запретить применение мин, после того как не удалось воспрепятствовать их широкому использованию в Камбодже, Афганистане и других странах. Другими словами, процесс, когда за трагедиями, которые не могли быть предотвращены в прошлом, следует кодификация норм, характерен для деятельности Красного Креста. Таким образом, Движение извлекает пользу из своего опыта. То же самое можно сказать о процессе выработки Устава Движения и даже о соглашениях между Федерацией и МККК.

К вопросу о мире

Примечательно, что впервые в официальном документе Красного Креста слово «мир» было упомянуто в связи с принципом гуманности. Следовательно, это понятие нельзя мыслить в отрыве от других явлений. В самом деле, определение принципа гуманности заканчивается словами: «...Оно способствует достижению взаимопонимания, дружбы, сотрудничества и прочного мира между народами». Знаменательно слово «прочный», употребленное также в том определении мира, которое вошло в Устав и которое я хотел бы процитировать и прокомментировать. Международная конференция Красного Креста и Красного Полумесяца провозгласила, что *«своей гуманитарной деятельностью и распространением своих идеалов Движение способствует установлению прочного мира, который рассматривается не просто как отсутствие войны, но как динамический процесс сотрудничества между всеми государствами и народами, сотрудничества, основанного на уважении свободы, независимости, государственного суверенитета, равенства и прав человека, а также на справедливом распределении средств в соответствии с потребностями всех народов»*.

Здесь я хотел бы сказать несколько искренних, теплых слов, понимая трагический характер сложившегося положения, в адрес национального общества Красного Креста бывшей Югославии. Именно это общество предприняло действия, которые положили начало процессу, приведшему к принятию всем Движением Красного Креста и Красного Полумесяца не только определения мира, но и «Программы действий» и «Основных направлений» деятельности Красного Креста по укреплению мира¹. Я убежден, что наши друзья из Югославского Красного Креста сознавали в то время всю важность содействия укреплению мира силами Движения, так как некоторые из них предчувствовали надвигающуюся трагедию и хотели предотвратить войну в своей стране. Одновременно обнадеживают и внушают тревогу мысли о том, что определение мира появилось в стране, в которой человечество из-за своей неспособности сохранить мир потерпело одно из самых жестоких поражений за последние годы. Все же я считаю важным напомнить, что югославское предложение было сделано в разгар «холодной войны» на специальной конференции Лиги (тогда еще не переименованной в Федерацию), состоявшейся в 1975 году в Белграде, и что МККК присоединился к этой деятельности лишь несколько позже.

В этой связи интересно отметить, что внутри МККК тогда начались дебаты (должен ли МККК заниматься проблемой защиты мира), так как постановку вопроса о мире в то время нередко считали троянским конем Советской империи, подобно тому как постановку вопроса о правах человека считали троянским конем Соединенных Штатов. В МККК, который оставался поборником мира, опасались, что если встать на этот путь, то можно увязнуть в политических проблемах. Однако раздавались голоса, включая и мой, утверждавшие, что Комитет не может оставаться в стороне: вопросами мира должна заниматься не только

¹ «Основные положения по участию Движения Красного Креста и Красного Полумесяца в работе по укреплению мира во всем мире» были приняты на второй Всемирной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца по вопросам мира (Аланд/Стокгольм, сентябрь 1984).

Лига, но и все Движение. Эти взгляды возобладали, и МККК присоединился к диалогу о мире. Как мы уже видели, обсуждение продолжалось добрых десять лет и пришлось на очень трудное время. Однако нам удалось в результате диалога и уступок со стороны всех участников прийти к тому, что сегодня, по крайней мере по своей концепции, представляет собой объединяющую силу Движения, основанную на общем согласии и получившую единодушное одобрение на Международной конференции Красного Креста — что, несомненно, явилось значительным достижением! Как я уже говорил, на сегодня существует только один пример того, чтобы какая-либо международная организация или движение приняли определение мира. ООН в этом не преуспела: она, после долгих дебатов, приняла определение агрессии, но определение мира принять не смогла. (Следует отметить, что, благодаря этому достижению, обсуждение нового Устава Движения заняло «только» пять лет, с 1981 по 1986 год, поскольку мы получили возможность сосредоточиться на организационных вопросах, структуре и работе... то есть вопросах, которые снова обсуждаются сегодня!)

Поэтому представляется целесообразным остановиться на процессе достижения согласия, в результате которого стало возможным принятие определения мира и двух программ действий по его укреплению. Сохранится ли это определение и останется ли оно в силе? В связи с этим я хотел бы вернуться к некоторым идеям, на которые я уже обращал внимание читателя. Первый ключевой момент — определение мира в Преамбуле Устава Движения начинается со слов: *«Своей гуманитарной деятельностью и распространением своих идеалов Движение способствует установлению прочного мира»*. Это был один из основных вопросов, по которым велись переговоры. Должно ли Движение считать борьбу за мир своей непосредственной задачей? Должны ли мы бороться за установление прочного мира непосредственно или путем осуществления гуманитарной деятельности и распространения наших идеалов? В конце концов было решено, что наилучшим способом внести вклад в дело мира является наша гуманитарная деятельность и распространение знаний о наших идеалах (не только о гуманитарном праве, но и об основополагающих принципах Красного Креста), а не прямые действия, которые грозили бы помешать нам выполнять наши основные задачи.

По существу, когда мы говорим о вкладе Красного Креста в дело мира, мы не имеем в виду осуществления какого-то особого рода деятельности — деятельность остается прежней, но она может служить и укреплению мира. 10 мая 1994 года я представлял Красный Крест на официальной церемонии введения в должность президента Нельсона Манделы, которого я посещал несколько раз в период между 1974 и 1976 годами, когда он был заключенным на острове Роббен. В 1992 году в Осло мне выпала честь два часа беседовать с ним в его гостиничном номере, и мы смогли вспомнить и проанализировать, что значили для него и его товарищей по заключению посещения МККК. Меня поразило тогда одно обстоятельство: в Осло Мандела сказал мне, что самым важным из сделанного МККК в плане долговременных последствий было то, что узники получили возможность узнавать новости. В самом деле, поскольку их держали в полной изоляции и они не знали о том, что происходит в мире, они рисковали остаться

на уровне мышления, свойственного времени процесса в Ривонии, проходившего в 1964 году¹. Если бы их оставили на этой «точке замерзания», они не смогли бы вести переговоры так, как они это делали после освобождения, потому что их образ мышления оказался бы в плену прошлого. Таким образом, МККК, настойчиво требуя и, наконец, добившись предоставления политическим заключенным возможности узнавать новости, сыграл тем самым ключевую роль в восстановлении социального мира в Южной Африке. Потребовалось десять лет посещений и заявлений протеста, прежде чем мой преемник на посту генерального представителя МККК в Африке смог добиться в 1980 году для заключенных доступа к новостям (при этом мы были не одни: деятельность Хелен Сузман и назначение нового министра по делам пенитенциарных учреждений также сыграли большую роль). Вот прекрасный пример того, что мы подразумеваем под *косвенным вкладом* Красного Креста в дело мира: это была чисто гуманитарная акция, но она имела благоприятные и долговременные политические последствия.

Еще один пример: во время ирано-иракской войны погибли десятки или даже сотни тысяч солдат. Хотя Красный Крест знал о более чем 100 тысячах иракских и иранских военнопленных, главным образом благодаря регистрации их во время посещений лагерей, в которых они содержались, и из переписки между пленными и их семьями на бланках Красного Креста, установить имена солдат, погибших в сражениях, было невозможно. Поэтому каждое утро в сотнях тысяч семей люди просыпались с мыслью: «Жив он или мертв?» Так как семьи в этих странах очень большие, их были миллионы — родственников, каждое утро спрашивающих себя: «Жив он или мертв?» Трудно представить себе ту атмосферу напряженности, которая царит в стране из-за тревоги о пропавших без вести, и то воздействие, которое такая тревога оказывает на повседневную жизнь миллионов людей. Можно примириться со смертью, но не с неизвестностью. Предположим, что нам удалось бы установить, кто из пропавших без вести погиб, а кто жив. Представьте себе, насколько такие сведения могли бы облегчить мучения, причиняемые неизвестностью!

Вот как мы пришли к пониманию того, что Красный Крест — не движение борцов за мир, а движение, содействующее установлению мира и спокойствия. Обратите внимание на различие между пацифистским движением (которое считает мир важнейшей ценностью, какую только можно себе представить) и движением, содействующим установлению мира и спокойствия: наш гуманитарный подход косвенно способствует снижению озлобленности, тем самым помогая разрядить напряженность. Мы не можем обеспечить воцарение мира, не будем питать иллюзий на этот счет, но мы помогаем установлению более мирного климата.

В то же время мы выработали определение мира, содержащее элементы того, что можно назвать «политическими понятиями». Почему мы так поступили? Это также явилось частью компромисса, потому что некоторые говорили: если мы

1 Процесс в Ривонии открылся 29 октября 1963 года и завершился 12 июня 1964 года вынесением приговора к пожизненному тюремному заключению шести южноафриканцам, включая Нельсона Манделу.

хотим косвенно содействовать укреплению мира, мы не можем забывать о составляющих мира. Например, в нацистской Германии в 1937 году царил мир. Но такой мир, такое ничем не нарушаемое спокойствие — это спокойствие кладбища. Поэтому столь важно понятие *прочного* мира. Выражение «*прочный мир*» вошло в формулировку принципа гуманности: «прочный мир между народами», который иногда называют *подлинным* миром. Выражение «Прочный мир» предполагает, что не может быть подлинного мира без справедливости, так же, как не может быть подлинной справедливости без мира. Нам могут сказать: «Справедливость не входит в круг проблем, которыми занимается Красный Крест!» Я считаю, что Красный Крест должен помнить о существовании несправедливости, так как мы не можем не замечать того, что происходит вокруг нас, мы не можем считать, что понимаем, из чего складывается мир, не интересуясь причинами его отсутствия, раз мы признали, что мир не сводится просто к отсутствию войны. Это еще одна причина, заставляющая нас говорить, что мир представляет собой *динамический процесс*. И это, по-моему, дает еще один ответ на вопрос, каким должен быть наш вклад в дело мира в грядущем столетии. Нам не следует рассматривать его как *нечто неизменное*: он никогда не бывает статичным.

Жизнь постоянно меняется, и поэтому мир представляет собой динамический процесс. Динамический процесс чего? Сотрудничества. Между кем? Между *государствами и народами*. Мы не можем забывать о государствах, потому что без них нет международного права. Но мы не можем говорить и только о государствах. Устав ООН гласит: «Мы, народы Объединенных наций», а не «Мы, государства-участники Объединенных наций» или «Мы, государства...» Понятие сотрудничества позволяет достигнуть равновесия между государствами и народами.

На чем должно основываться это сотрудничество? *На уважении свободы, независимости, государственного суверенитета, равенства и прав человека, а также на справедливом и беспристрастном распределении ресурсов для удовлетворения потребностей всех народов*. Я считаю, что в этой формулировке недостает одного элемента, однако мы предпочли оставить ее в таком виде и не пересматривать, опасаясь, что пересмотру подвергнутся и другие пункты. Недостающий элемент — это *уважение международного права*. При выработке таких текстов проблема заключается в том, что мы зачастую вынуждены добиваться принятия не идеального варианта, а наилучшего из реально возможных, ибо, пытаясь достигнуть совершенства, мы можем оказаться отброшенными назад, поэтому мы сочли за лучшее сохранить существующую формулировку, пусть она и не совершенна.

Этот реалистический подход использовался и в процессе создания Устава Движения. Мы отдавали себе отчет в том, что он не лишен определенных недостатков, но попытки исправить их влекли за собой риск еще большего затягивания дебатов, что могло бы разрушить общее согласие, достигнутое по более важным моментам. Так нередко бывает при пересмотре устава: ясно, как и что делать сначала, но невозможно предугадать, чем все закончится. Вообще говоря,

за конечный результат никто поручиться не может, особенно если требуется поддержка правительств и большинство в две трети голосов. Поэтому я не думаю, что некоторые из тех, кто в 1981 году выступил с инициативой пересмотра Устава Движения, получили в 1986 году именно то, чего они хотели добиться пятью годами раньше. Но такова цена согласия. Обсуждать можно все, но бесспорно одно: выносить эти вопросы на обсуждение Международной конференции в присутствии представителей различных государств, не убедившись заранее в том, что внутри Движения достигнуто согласие (желательно подлинное), было бы безумием (по-английски «M. A. D.» — Mutually Assured Destruction). Опыт показывает, что для достижения такого согласия нет ничего лучше подлинного диалога, что необходимо правильно выбрать для него время, что в центре его должны быть наши задачи и для выполнения этих задач следует находить наиболее действенные средства.

Возвращаясь к вопросу о мире: чего мы можем ожидать в будущее? Истина заключается в том, что мы не можем оставлять без внимания «политические» составляющие мира, и поэтому мы дали им определение. Однако в то же время мы будем вносить свой вклад в дело мира косвенно, так, как и должен это делать Красный Крест.

Какие проблемы нам предстоит решать в будущем

В 1981 году мы в МККК попытались проанализировать проблемы, с которыми предстоит столкнуться человечеству, и то, как они могут повлиять на наше будущее. Мы пришли к выводу, что к 2000 году перед нами встанут две основные проблемы: во-первых, нужно будет научиться жить в условиях хаоса, во-вторых, противостоять радикализации идеологий.

Сегодня, тринадцать лет спустя, возвращаясь к этому вопросу, я нахожу, что первая проблема все еще стоит перед нами. По сравнению со временем, когда действовал золотой стандарт, или временем, когда мир был поделен на два лагеря с двумя сверхдержавами во главе, современный мир пребывает в состоянии хаоса, что делает его непредсказуемым. Очень трудно справляться с хаосом, используя установленные нормы, и это одна из проблем гуманитарного права. В нынешней ситуации ориентиром для нас будут служить принципы. И здесь опять-таки уместно вспомнить о принципе гуманности, выражающем, как я уже говорил, самую сущность нашего Движения. Этот принцип, принцип сострадания к жертвам, можно рассматривать как движущую силу Красного Креста, тот четырехскоростной двигатель, о котором я уже упоминал. Без двигателя машина не тронется с места.

Но кроме двигателя, чтобы достигнуть места назначения, ей нужен еще и руль. Руль — это принцип *беспристрастности*, который провозглашает активные помощь и защиту, предоставляемые без какого-либо неблагоприятного различия и соразмерно нуждам жертв. Когда двух раненых солдат под наркозом приносят в палатку хирурга, обнаженных и готовых к операции, хирург не может отличить,

кто из них свой, а кто противник. Он прежде всего с полной беспристрастностью займется тем солдатом, чье ранение серьезнее и который поэтому больше нуждается в помощи, независимо от того, свой он или чужой. Именно принцип беспристрастности указывает нам направление к тем, кто нуждается в нашей помощи. Это наш руль.

Далее следует принцип *нейтральности*, который очень часто неправильно понимают и который у многих вызывает возмущение, мешает находить добровольцев, особенно среди молодежи, так как он не позволяет брать на себя определенные обязательства. Но не будем забывать, что он провозглашает: из семи Основопологающих принципов Красного Креста — это единственный, в формулировке которого указана его цель. Он гласит: «*Чтобы сохранить всеобщее доверие, Движение не может принимать чью-либо сторону в вооруженных конфликтах или вступать в споры политического, расового, религиозного или идеологического характера*». Автомобилю, которому мы уподобляем Красный Крест, необходимы не только двигатель и рулевое колесо, но также и тормоза, иначе ему не одолеть ни одного поворота. Двигатель — это гуманность, руль — беспристрастность, а тормоза — нейтральность, которая не дает отклоняться от чисто гуманитарных задач. Во времена хаоса, когда трудно добиться соблюдения закона, именно принципы не дают нам сбиться с пути.

Теперь вернемся к *радикализации идеологий*. В 1981 году у нас вызывали большую озабоченность такие экстремистские группировки, как «красные кхмеры» или «Сендеро люминосо». Мне думается, что тогда мы проявляли меньшую осторожность, нежели сейчас по отношению к крайнему национализму. Но по сути дела мы имеем дело с тем же самым явлением — концепцией, предполагающей, что людей следует оценивать в зависимости от их гражданства, национальности, религии, политических взглядов. В результате многие группы людей оказываются перед лицом весьма серьезных проблем, особенно в странах бывшего Советского Союза, а также Восточной и Центральной Европы. Это непростая проблема для Красного Креста — он должен соблюдать Основопологающие принципы, а их соблюдение зависит от большого числа людей. О работе национального общества можно судить по работе его руководителей. Во всех странах есть люди, пользующиеся всеобщим уважением, независимые и мужественные, и именно опираясь на них, нам следует строить Красный Крест. Да, говорить речи о мужестве легко. Но любой из нас может оказаться перед лицом физической или какой-то иной угрозы. И тут всегда встает один и тот же вопрос: следует ли нам отступить? Следует ли нам пойти на уступки, чтобы мы могли продолжать работу, или же лучше сохранить самостоятельность, рискуя оказаться парализованными? У нас ограниченное пространство для маневра, и наша роль — и Федерации, и МККК — состоит в том, чтобы помогать национальным обществам сохранять независимость, без которой *невозможно* оставаться истинным Красным Крестом и Красным Полумесяцем.

Заключение

Я попытался, соблюдая осторожность, рассмотреть вопрос о той роли в укреплении позиций мира и гуманности, которую Движение могло бы сыграть в будущем. Я верю, что, по существу, наша основная задача должна оставаться прежней — помогать беспомощным. Принцип гуманности должен и впредь быть движущей силой Красного Креста, а беспристрастность, нейтральность и другие принципы останутся его направляющими принципами. Наш вклад в дело мира должен оставаться косвенным — тогда он будет более эффективным, но в его основе должно лежать знание того, из каких составляющих складывается мир.

Тем не менее я продолжаю, считать, что Движение Красного Креста и Красного Полумесяца должно тщательно изучить проблемы окружающего мира, чтобы посмотреть, не может ли оно сделать больше, чем сейчас или открыть для себя новые виды деятельности. Боюсь, что сегодня наше Движение уделяет очень много внимания вопросам структуры и недостаточно — своим основным задачам. Однако сосредотачивать внимание на структуре в ущерб задачам все равно, что впрягать телегу впереди лошади. Я считаю, что сегодня мы должны задуматься, например, над последствиями дисбаланса, царящего в мире, контрастом между Севером и Югом, экономическим застоєм и его влиянием на уязвимое население Севера, окончанием периода экономического развития (80-е годы называют потерянными годами для развития Юга), растущим неравенством между Севером и Югом, прямой связью между состоянием окружающей среды и развитием, проблемой влияния науки на общество, проблемой продовольствия и питания, над так называемыми «дивидендами мира» (как поступить со средствами, которые, как принято думать, были сэкономлены в результате окончания «холодной войны»), проблемой наркотиков и связанными с ним проблемами, например СПИДом.

Таковы проблемы, на которые Красный Крест может и должен в хоть какой-то мере откликнуться. Конечно, мы не в состоянии делать все, но я хотел бы рассмотреть проблемы, которые встанут перед обществом завтра, в связи с тем, о чем я уже говорил (то есть в связи с нашими задачами и принципами), чтобы определить, каким может и должен быть отклик Красного Креста и Красного Полумесяца на эти проблемы. И особое внимание я хотел бы обратить на молодежь (что совершенно естественно для человека, который руководит Движением, насчитывающим около 25 миллионов молодых людей). Говорить, что сегодняшняя молодежь — это взрослые будущего, банально. Но как бы то ни было я считаю, что мы в Красном Кресте и Красном Полумесяце должны серьезно заниматься проблемами молодежи: неграмотностью, недостатками образования и воспитания, социальной отчужденностью, контролировать ее духовные ценности и здоровье. Характерно, что в наше время у молодых людей остается все меньше возможностей для образования (под образованием я имею в виду не просто обучение, но и формирование характера). В школах учат все больше и больше, а воспитанием занимаются все меньше и меньше. Слишком часто они представляют собой заведения по передаче знаний, где не проявляют заботы

о формировании характера. Я считаю, что Красный Крест как движение, руководствующее высокими ценностями, должен сыграть в воспитании молодых людей важную роль, если отнесется к этой стороне своей деятельности, как к своему вкладу в будущее.

Далее, существует целый ряд новых проблем, имеющих более непосредственное отношение к деятельности Красного Креста: рост числа «гуманитарных» неправительственных организаций или организаций, считающих себя таковыми, вовлечение государств (по отдельности или группами) в «гуманитарную» или псевдогуманитарную деятельность, известное «право на вмешательство», возникновение вооруженных банд, связанное с крахом соответствующих правительственных структур, обнищание Юга и последствия этого явления для национальных обществ, отсутствие интереса к их развитию на фоне увлечения мероприятиями, которые могут дать материал для броских газетных заголовков, влияние печати, побуждающей правительства к изменениям — не всегда в лучшую сторону — их приоритетов и их задач во время ситуаций конфликта.

Чтобы мы могли работать над решением этих проблем, внутри нашего Движения должен быть мир. Некоторые находят, что Движение слишком сложно устроено и хотели бы его упростить. Но оно рождено жизнью, а жизнь не всегда проста. Вообще говоря, наиболее совершенная биологическая форма — человек — одновременно и наиболее сложная. Органы человека устроены так, чтобы они могли наилучшим образом отправлять свои функции. То же самое можно сказать о приборах, которые человек создает. Подводная лодка устроена не так, как воздушный шар, потому что она должна выдерживать давление воды (точно так же, как МККК должен быть в состоянии выдерживать политическое давление во время конфликтов), тогда как воздушный шар должен быть легче воздуха, хотя его делают из материалов, которые тяжелее воздуха.

Говорят, что верблюд — это лошадь, созданная комитетом! Говорят также, что однажды Творец захотел создать существо, которое умело бы летать, ходить, плавать по воде и под водой. И он создал утку, которая действительно может все это делать, но ничего из перечисленного не умеет делать хорошо! Что до меня, то я предпочитаю рыбу, которая отлично плавает, и птицу, которая отлично летает.

Сохранять мир внутри Движения — значит должным образом выполнять наши главные задачи, то есть то, ради чего Движение и было создано. Задача столь велика, а средства столь ограничены, что основная задача каждого, где бы он ни находился — стремиться делать как можно лучше то, что он лучше всего умеет. Гармония в природе и жизни достигается равновесием составных частей. Давайте обеспечивать эту гармонию, и внутри нашего Движения будет царить дух мира — необходимая основа для попыток распространять мир *за пределы* Движения... сегодня и в двадцать первом столетии.

Жак Морейон, юрист, доктор политологии, бывший генеральный директор МККК, член МККК с 1988 года, генеральный секретарь Всемирной организации скаутского движения.